

№ 229-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Местное самоуправление в Беларуси / В. Н. Кивель [и др.]; под науч. ред. И. П. Сидорчук. – Минск: Тонпик, 2007. – 416 с.

3. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 04.01.2010 № 108-З; в ред. от 18.12.2019 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. Об утверждении плана развития отдельных регионов, отстающих по уровню социально-экономического развития [Электронный ресурс]: Постановление Совета министров Респ. Беларусь от 9 октября 2019 г. № 689 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Философия и идеология жизнедеятельности Беларуси: теоретические основы антикризисной модели и механизмы ее реализации / П. Г. Никитенко [и др.]; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Минск: Беларус. навука, 2009. – 621 с.

6. Национальный отчет о человеческом развитии в Республике Беларусь. Конкурентные преимущества регионов Беларуси / Программа развития ООН (ПРООН) в Беларуси, Научно-исследовательский экономический институт Министерства экономики Республики Беларусь. – Минск, 2015. – 206 с.

7. В Беларуси предлагается создать 15–18 областей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zviazda.by/be/node/142805>. – Дата доступа: 03.02.2020.

8. *Ридевский, Г. В.* Центр-периферийные процессы и развитие регионов Беларуси: монография / Г. В. Ридевский. – Минск: БелНИИТ «Транстехника», 2020. – 346 с.

(Дата подачи: 12.02.2021 г.)

В. Н. Семенова

Республиканский институт высшей школы, Минск

V. Semanova

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 321.01

ОСОБЕННОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПОЛЯ ПОЗДНЕГО МОДЕРНА

FEATURES OF THE IDEOLOGICAL FIELD OF LATE MODERNITY

В статье выявляются особенности идеологического поля позднего модерна: гибридизация идеологий, политический и партийный синистрим, идейно-политические консенсусы. Раскрываются причины, приведшие к формированию гибридных идеологий в XX–XXI вв., анализируется феномен синистрима политических идеологий, характеризуются разновидности идейно-политических консенсусов.

Ключевые слова: поздний модерн; гибридные идеологии; идейно-политический спектр; радикализация идеологий; синистрим; неолиберализм; неоконсерватизм; идейно-политический консенсус.

The article deals with the features of the ideological field of late modernity: the hybridization of ideologies, political and party sinistrism, ideological and political consensuses. The author

shows the reasons that led to the formation of hybrid ideologies in the XX–XXI centuries, analyzes the phenomenon of sinistrisme in political ideologies and describes the types of ideological and political consensuses.

Keywords: late modernity; hybrid ideologies; ideological and political spectrum; radicalization of ideologies; sinistrisme; neoliberalism; neoconservatism; ideological and political consensus.

Идеологическое поле представляет собой совокупность всех имеющихся политических идеологий и может быть представлено в виде воображаемой линии (или площади) идейно-политического спектра, на которой размещаются идеологии: от ультралевых через классических левых и «центр» к традиционным правым и ультраправым.

Особенностями идеологического поля позднего модерна являются гибридный характер политических идеологий; радикализация и синистризм политических идеологий; формирование динамичных идейно-политических консенсусов.

1. Гибридный характер политических идеологий позднего модерна

Затронувшие идеологическое пространство глобализационные процессы последней трети XX – нач. XXI в. подразумевают не только столкновение, но одновременно взаимовлияние культур и цивилизаций, что приводит к возникновению эклектичных и гибридных образований. В идеологическом поле позднего модерна это проявляется в виде смещения, или гибридизации идеологий. Основным фактором гибридизации политических идеологий в XX–XXI вв. стало лавинообразное развитие левых идей в XIX в.

Причинами гибридизации выступают внешние обстоятельства (эмансипация различных социальных групп населения, получение ими либерально-демократических прав и свобод, формирование в западных странах институтов представительной демократии и правового государства как символов либеральной идеологии) и внутренние трансформации правых идеологий, вынужденных учитывать либеральный характер современной эпохи и инкорпорировать в свой идейный фундамент ранее чуждые им либеральные и социалистические принципы.

Гибридизации подвергаются как традиционные идеологии, (в основном правые под воздействием левых идей), так одновременно появляются новые нетрадиционные гибридные идеологии, такие как маоизм, идеология «красных кхмеров», национал-социализм, неоконсерватизм, «новые правые», либертарианство и др.

Ярким примером гибридной идеологии в первой половине XX в. является становление и развитие немецкого национал-социализма, традиционно относимого к ультраправым идеологиям, наряду с итальянским фашизмом, сионизмом, идеологиями профашистских режимов в Европе 20–40-х гг. (фалангизмом, румынским фашизмом и пр.). Представляется, что такой подход является тенденциозным и упрощенным, укладывающим в прокрустово ложе политической корректности сложные исторические процессы и идеологические феномены.

Среди ультраправых идеологий национал-социализм (что видно в том числе из самого названия) является самой левой. С одной стороны, идеология национал-социализма включала традиционные правые принципы: расизм и социальная евгеника (борьба за чистоту крови, уничтожение расово неполноценных и представителей нетрадиционных ориентаций), этнонационализм (идеалы

«почвы и крови»), аристократизм и социальная иерархия, антикоммунизм, милитаризм (война – естественное состояние человеческого общества), экспансионистская внешняя политика как реализация борьбы за жизненное пространство, этатизм в виде создания тоталитарного государства, контролирующего все общественные и частные сферы, германское язычество как религиозный фундамент. Как ультраконсервативный проект нацизм кропотливо и педантично работал над созданием своего респектабельного образа: «Образ нациста становится элегантным, аристократичным, стильным. Он призван достойно представлять “высшую расу”...» [1, с. 166].

Одновременно в идеологию национал-социализма прочно вошли и левые принципы. Так, нацистская «Национал-социалистическая немецкая рабочая партия» опиралась на широкие социальные слои населения и получила поддержку с их стороны после успешно проведенных социальных реформ в 30-х гг.

Принцип фюрерства (вождизм), обычно приписываемый ультраправым идеологиям, является порождением массового общества и законов массовой психологии, выражает неаристократическое слепое поклонение толпы, то есть внутренне связан с популизмом, с левыми, а не правыми идеологиями. Нацистская пропаганда преподносит Гитлера как вождя, духовного отца германской нации. Образ Гитлера как лидера нации и спасителя Германии и, в целом гуманизированный образ нацизма, в массовом сознании был окончательно сформирован к концу 1934 г. [1, с. 168]. Причем, патернализм национал-социализма последовательно смещается от консервативного к социалистическому акцентированию.

Еще одну левую составляющую отмечает российский историк О. Ю. Пленков, полагая, что политика национал-социализма сводилась преимущественно к социальной политике [2, с. 18]. Он отмечает, что «если абстрагироваться от нацистской расистской внутренней и внешней политики, то, по сравнению с другими европейскими государствами, гитлеровское государство благоденствия представляло собой самую импозантную и солидно устроенную систему социального вспомоществования и солидарности» [2, с. 14]. Ему вторит и российский исследователь А. Н. Мочкин: «И фашизм в Италии, и национал-социализм в Германии, в отличие от тоталитарного социализма в России, были своеобразным альянсом, соединением социалистической идеологии с консервативной правящей элитой» [3, с. 56–57].

Популизм, вождизм, опора на массовые социальные слои населения, сильная социальная политика стали левыми принципами, которые национал-социализм вынужден был включить в свою идейно-политическую программу для усиления популярности и поддержания легитимности.

Следствием гибридного характера современных идеологий становится неактуальность и неэвристичность дихотомии «левые-правые», как по признаку нахождения у власти, так и по идейно-политическому спектру: «усиливается процесс синтеза идейных течений, что затрудняет классификацию политических идеологий по традиционным научным критериям» [4, с. 7–8].

Характеризуя современную идеологическую путаницу, российский исследователь М. Н. Афанасьев отмечает: «Идентификация политической правой как партии Старого порядка, а политической левой как партии Нового порядка – наследие революционной эпохи начала Нового времени. С тех пор много воды утекло, порядки по несколько раз поменялись, восстанавливались и менялись наново. *Очевидная ясность превратилась в полнейшую путаницу* (курсив

мой. – В. С.). Не утрачивает ли смысл право-левая дихотомия по признаку власти при последовательном чередовании партий во власти и оппозиции в либеральных демократиях? Не утрачивает ли она смысл и в коммунистических режимах, где партии, считавшиеся до того леворадикальными, устанавливают абсолютную власть?» [5, с. 30].

Еще более проблематичным стало сегодня «разнесение» на линии идейно-политического спектра политических партий, особенно в связи с появлением и широким распространением новых типов политических партий: «всеохватных партий», картельных партий, персоналистских партий, чьи партийные программы не в полной мере репрезентируют их реальные политические взгляды и интересы.

2. Радикализация и синистрзм политических идеологий

Термин «синистрзм» (от франц. *sinistre* – зловещий, мрачный, роковой, пагубный, угрожающий) введен в политологический лексикон французским литературоведом и политологом А. Тибодом в работе «Политические идеи Франции» (1932). Тибодом под синистрзмом понимал радикализацию политических партий, приводящую к изменению партийной системы страны без существенных изменений самих партийных идеологий.

Таким образом, в первоначальном значении политический синистрзм означал радикализацию политических партий, их увлечение лево- или праворадикальными идеями. Иллюстрацией синистрзма в данном значении является, например, появление во Франции в 60-х гг. «новых левых» как более левых в результате их разрыва с традиционными левыми (социалистами и коммунистами).

Радикализация возможна также со стороны правых партий и течений в ответ на усиление левых и леворадикальных сил. Примером служит немецкая партия «Альтернатива для Германии» (*Alternative für Deutschland, AfD*), основанная в 2013 г. в условиях неудачной миграционной политики, проводимой в Германии. AfD является праворадикальной партией, стоящей на позициях национализма, правого популизма и евроскептицизма. С 2015 г. активно сотрудничает с другими ультраправыми организациями, в частности, с движением PEGIDA («Патриотические европейцы против исламизации Запада»). В 2017 г. AfD стала третьей по численности партией Германии, на 2020 г. – крупнейшая оппозиционная партия в Германии. Если на федеральных выборах 2013 г. партия набрала 4,7 % и, не пройдя 5%-й барьер, осталась без мест в парламенте, то на федеральных выборах в 2017 г. партия набрала уже 12,6 %, получив 94 места в бундестаге. Популярность партии отразилась и на выборах в Европарламент. Если в 2014 г. партия набрала 7 % голосов и получила 2 места, то на выборах 2019 г. партия набрала уже 11 % голосов, получив 11 мест из 96 возможных.

Отмечая всплеск националистических и антиисламских настроений в Германии, российский исследователь А. А. Лапин полагает, что «все большее число немцев ищет в праворадикальных и националистических организациях последнее прибежище, надеясь найти в их рядах защиту от вызовов и угроз XXI в. Это вызвано колоссальной безработицей и недовольством государственной политикой в сфере иммиграционного законодательства, семейных и социально-трудовых отношений» [6, с. 231].

Пытаясь получить широкую общественную поддержку, «в последние годы правые экстремисты активно заимствуют программные лозунги левых антиглобалистов и социалистов» [6, с. 235].

Отметим еще раз, что появление праворадикальных идейных течений и движений является чаще всего реакцией на широкое распространение левых идей и усиление партий левого спектра.

Подобной реакцией на распространение лево-либеральных идей в США стало возникшее в 2009 г. «Движение чаепития» (Tea Party Movement), консервативное либертарианское движение, социальную базу которого «составили правые религиозные активисты, бизнесмены и представители среднего класса, недовольные увеличением налогов и ростом дефицита бюджета, социальные консерваторы, обеспокоенные падением нравов и ростом иждивенчества, конституционалисты, взволнованные расширением полномочий федерального правительства» [7, с. 64]. Движение обвиняло администрацию Обамы в попытке «превратить страну в леволиберальное социальное государство европейского типа» [7, с. 64].

Таким же радикальным является ультраправое движение «альтернативные правые» (Alternative Right, alt-right), возникшее в 2010 г. на волне критики либерал-демократов и пассивности традиционных правых-республиканцев и приобретшее широкую известность и популярность в президентскую кампанию Д. Трампа. Движение не является целостным, а скорее идейно объединяет «... несколько групп американских сторонников превосходства белой расы, белых националистов, белых сепаратистов, антисемитов, неонацистов, неофашистов, неоконфедератов, отрицателей Холокоста, сторонников теории заговора и других крайне правых групп ненависти» [8, с. 58]. Отметим, что в десятых годах XXI в. синистризм в значении радикализации политических и партийных идеологий (как левых, так и правых) резко усилился.

Несколько иное значение термин «синистризм» приобретает в работе М. Дюверже «Политические партии» (1951), где он рассматривается как последовательное, постепенное и неуклонное левение всего спектра политических партий в многопартийных системах.

Дюверже полагает, что синистризм характерен в большей степени для многопартийных систем. Двухпартийные системы (в частности, американский би-партизм) являются более устойчивыми и в меньшей степени подвержены формированию радикальных политических сил. Отсутствие синистризма в США на протяжении XIX и первой половины XX в. Дюверже объясняет политической незрелостью, а также неразвитостью социальной структуры американского общества того времени.

Отметим основные факторы, способствующие постепенному левению всего политического партийного спектра:

1. Возникающие первоначально как радикальные партии или движения стремятся встроиться в нормальное политическое поле, что приводит к тому, что они утрачивают или редуцируют свой радикализм, перемещаясь на линии идейно-политического спектра правее: «Когда левая партия становится доминирующей, ее революционная устремленность притупляется» [9, с. 380]. Радикалы, получая государственную власть, оказываются перед необходимостью формулировать государственную политику, нацеленную на сохранение государства. Ярким примером такого консервативного кульбита является приход к власти в 1917 г. леворадикальной партии большевиков, которая достаточно быстро вынуждена была отказаться от своих лево-либеральных «завоеваний» для удержания и централизации политической власти, а также для сохранения и укрепления уже не монархического или буржуазного, а пролетарского государства.

2. Появление новых эмансипированных социальных групп, вынужденных бороться за свои гражданские и иные права и, как следствие, появление новых, более левых, чем существующие, политических сил, выражающих интересы этих групп: «Синистризм – это выражение в политической сфере той социальной эволюции, которая создавала “новые слои”, вынужденные добиваться доступа к власти в период, когда современная система политических партий выступает уже сложившейся и достаточно развитой» [9, с. 375]. Таким образом, вновь появляющиеся левые партии и течения объективно являются более левыми, чем предшествующие, а вся партийная система также постепенно смещается влево.

Синистризм может принимать различные формы:

- появление новых левых партий, расположенных на прямой политическо-го спектра левее старых; «старые» левые соответственно смещаются вправо;
- замена старой левой партии еще более левой и радикальной; возможно повышение популярности крайне левой партии в ущерб всем остальным;
- в целом ослабление влияния всех партий правой ориентации в пользу партий левой ориентации и др. [9, с. 375].

3. Формирование динамичных идейно-политических консенсусов

Характерной особенностью идеологического поля позднего модерна становятся идейно-политические консенсусы, являющиеся закономерным следствием гибридизации политических идеологий.

В 40–50-е гг. XX в. формируется *либерально-социал-демократический консенсус*, ставший результатом идеологического сближения социал-либерализма (кейнсианства) и европейской социал-демократии. Данное сближение было обусловлено консолидацией левых сил против попытки реванша ультраконсерваторов в лице итальянского фашизма, профашистских режимов в Европе 20–40-х гг., немецкого национал-социализма (в меньше степени).

Кейнсианская модель социал-либерализма и социально ориентированной экономики привела к созданию социал-демократического государства – «государства всеобщего благоденствия». Кейнсианство сыграло положительную роль в восстановлении послевоенной экономики и формировании среднего класса, однако породило иные проблемы и не спасло западные общества от «революций кампуса» и политического радикализма конца 60–70-х гг. XX в.

Появление и распространение радикальных левых политических идеологий (в частности, идеологии «новых левых», антирасистских и феминистских, пацифистских и экологических движений) связано, наряду с другими причинами, с формированием западного общества потребления и представителя среднего класса, повышением стандартов качества жизни, демократизацией политической и социальной жизни послевоенной Европы и США, формированием постматериальных ценностей, «революцией притязаний», появлением контркультуры и эмансипацией различных слоев населения. Идеология «новых левых» теоретически выступила против ценностей общества потребления, но сама была его непосредственным продуктом.

Паразитические и иждивенческие тенденции в западных странах, порожденные кейнсианством, усиление государственных структур и механизмов государственного воздействия на человека, привели к экономическому и социальному кризису, попыткой выхода из которого становятся неолиберальные социально-экономические и управленческие реформы Р. Рейгана в США и М. Тэтчер в Великобритании. Так, с приходом к власти в Великобритании консервативной

партии М. Тэтчер последняя из «всеохватной» вновь становится «партией программы» с четкой ориентацией на неолиберальную экономическую политику и консервативные ценности (неолиберализм в экономике и неоконсерватизм в политике).

Пропагандируемые идеи свободного рынка, минимального государства, сокращения социальных программ, свободной конкуренции в сочетании с экспансионистской внешней политикой и традиционными консервативными ценностями вылились в 70–80-х гг. XX в. в *либерально-консервативный консенсус*. Неолибералы и неоконсерваторы создали альянс, попытавшись исключить из него социал-демократические силы.

Согласимся с мнением В. А. Фурса о том, что «именно идея глобального мира примирила и объединила две антагонистичные картины мира – либеральную и консервативную... Консервативно-либеральный консенсус стал возможен прежде всего потому, что консервативно ориентированные элиты западных стран были вынуждены приспосабливаться к меняющейся социально-экономической и геополитической реальности. Принятие либеральных принципов, с одной стороны, соответствовало экономическим интересам консервативного крыла, с другой стороны, позволяло консерваторам удерживать и расширять электорат» [4, с. 8].

В 90-е гг. в западных странах наблюдается новая волна миграционных процессов в контексте реализации политики мультикультурализма. Растет число приверженцев, популярность и общественная поддержка движений антиглобализма, феминизма, энвайронментализма и радикального экологизма, что к началу 2000-х в западных странах формирует устойчивую левую политическую повестку. На волне радикализации социально-политической ситуации в США, европейских государствах, республиках бывшего Советского Союза традиционные политические идеологии сознательно развивают потенциал для конвергенции. В 90-е гг. идет процесс диффузного проникновения и поиска возможной интеграции всех трех оставшихся традиционных идеологий, формируется *либерально-консервативно-социалистический идеологический консенсус* [10, с. 130–131]. В первые десятилетия нового столетия традиционные политические идеологии, базирующиеся на фундаменте традиционных христианских ценностей, отстаивают завоевания и достижения модерна под натиском сформировавшихся в самостоятельные силы противников: исламского фундаментализма (в его различных вариантах), леволиберальной идеологии натурализма и нехристианской азиатской цивилизации.

Подводя итог анализу идеологического поля позднего модерна, можно сделать следующие выводы.

1. Существенными особенностями идеологического поля позднего модерна являются: гибридный характер политических идеологий; радикализация и синистризм политических идеологий; формирование динамичных идейно-политических консенсусов. Обнаруживается логическая последовательность данных особенностей.

2. Под натиском усилившихся в начале XXI в. новых идейных противников традиционным политическим идеологиям становится все труднее удерживать своих приверженцев и даже относительно комфортно существовать в устоявшихся сегментах идеологического и политического поля. Из глобальных традиционные политические идеологии постепенно превращаются в нишевые

идеологии. А их место в сознании больших социальных групп и глобальном политическом пространстве постепенно занимают нетрадиционные гибридные идеологии. Формирование идейно-политических платформ новых гибридных идеологий подразумевает четкое размежевание последних с относительно близкими им традиционными идеологиями, что приводит, во-первых, к неизбежной радикализации их идейно-политических платформ, а во-вторых, в целом к объективному полеванию (синистризму) всего спектра новых гибридных идеологий.

3. В отличие от консенсусных тенденций второй половины XX в., в начале XXI в. наблюдается требование резкого размежевания между бывшими временными союзниками, а также в целом усиление идеологической конфронтации и тенденций на дальнейшее размежевание идейных противников. Можно констатировать, что время идейно-политических консенсусов прошло. Первая треть нового столетия характеризуется новым витком идейно-политических противоречий и конфликтов.

Список использованных источников

1. *Дацишина, М. В.* Создание социально приемлемого образа тоталитаризма. Опыт нацистской Германии / М. В. Дацишина // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». – 2012. – № 19(99). – С. 160–170.
2. *Пленков, О. Ю.* Третий Рейх: Социализм Гитлера: (Очерк истории и идеологии) / О. Ю. Пленков. – СПб.: Нева, 2004. – 474 с.
3. *Мочкин, А. Н.* Рождение «зверя из бездны» неоконсерватизма / А. Н. Мочкин. – М.: ИФРАН, 2002. – 138 с.
4. *Фурс, В. А.* Глобальные предпосылки консервативно-либерального консенсуса / В. А. Фурс // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2016. – Т. 15. – С. 7–13.
5. *Афанасьев, М. Н.* Типология идеологий. Правая идея / М. Н. Афанасьев // Общественные науки и современность. – 2011. – № 4. – С. 29–43.
6. *Лапин, А. А.* Правый экстремизм в Германии / А. А. Лапин // Вестник Московской международной академии. – 2017. – С. 231–241.
7. *Христенко, Д. Н.* «Движение Чаепития» и внешняя политика США при администрации Б. Обамы / Д. Н. Христенко // Вестник Московского ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. – 2012. – № 2. – С. 62–86.
8. *Хлопов, О. А.* Ультра-правые движения в США: прошлое и настоящее / О. А. Хлопов // Colloquium-journal. – 2019. – № 5(29). – С. 58–62.
9. *Дюверже, М.* Политические партии / М. Дюверже; пер. с фр. – М.: Академический Проект, 2000. – 538 с.
10. *Летняков, Д. Э.* Политико-идеологические тренды постсоветских обществ: попытка обобщения / Д. Э. Летняков // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 1. – С. 129–142.

(Дата подачи: 03.02.2021 г.)